

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ГОГОЛЯ

Л. В. Черепнин

Н. В. Гоголь глубоко интересовался историей. В этом отношении у него было много общего с А. С. Пушкиным, на творчестве которого он вырос как художник, гражданин, патриот. Н. В. Гоголь прекрасно понимал значение А. С. Пушкина как национального писателя. «Пушкин, — писал он, — есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла»¹. Любовь Н. В. Гоголя к А. С. Пушкину была беспредельна. Потрясенный гибелью великого поэта, Н. В. Гоголь писал в 1837 г. из Рима В. А. Жуковскому: «...О Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон удалось мне видеть в жизни и как печально было мое пробуждение»².

Потеряв в А. С. Пушкине учителя и друга, Н. В. Гоголь особенно ясно осознал, как много тот ему дал, и с болью ощутил всю горечь утраты. «...Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина... Все, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему»³, — делился писатель с М. П. Погодиным под непосредственным впечатлением тяжелой потери. Пристальное внимание к историческим судьбам своей родины и всего человечества — это также то «хорошее», чему научил Н. В. Гоголя А. С. Пушкин.

Глубокий интерес к историческому прошлому был у Н. В. Гоголя, как и у А. С. Пушкина, стимулом не только к художественному творчеству, но и к научному исследованию⁴. Н. В. Гоголь рассказывает о той внутренней борьбе, которую пережил он, испытывая потребность в творческой деятельности и в качестве ученого-историка и в качестве писателя-драматурга на злободневные общественно-бытовые темы. И то и другое было ему близко, захватывало его, более того, было связано одно с другим в сознании писателя, стремившегося к отображению реальной действительности, прошлой и современной. В то же время Н. В. Гоголь чувствовал, что для успеха дела необходимо на какое-то время суметь сосредоточить свое внимание и душевные силы на чем-то одном, иначе будет нарушена целеустремленность и действенность творческого процесса. «Примусь за Историю — передо мною движется сцена, шумит аплодисмент, рожи высовываются из лож, из райка, из кресел и оскаливают

¹ Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений (далее ПСС). М. 1940—1952. Т. VIII, стр. 50 (1832 г.).

² Там же. Т. XI, стр. 112, № 53 (1837 г.).

³ Там же, стр. 91, № 41 (1837 г.).

⁴ О Гоголе как историке см. И. М. Каманин. Научные и литературные произведения Гоголя из истории Малороссии. «Памяти Гоголя». Киев. 1902; С. О. Машинский. Историческая повесть Гоголя. М. 1940; И. Я. Айзеншток. Н. В. Гоголь и Петербургский университет («Вестник» Ленинградского университета, 1952, № 3, стр. 17—38); «Н. В. Гоголь. Статьи и материалы». Ответственный редактор М. П. Алексеев. Л. 1954; Н. Л. Степанов. Н. В. Гоголь, Творческий путь. М. 1959.

зубы, и — история к чорту»⁵, — жаловался он М. П. Погодину. Но писатель никогда не оставлял занятий исторической наукой, интерес к ней пронес через всю свою жизнь, а его недолгое пребывание в Петербургском университете, где он читал лекции по всеобщей истории, оставило неизгладимый след в его сознании. Он считал, что подготовка к университетскому курсу лекций обогатила его духовно, расширила его кругозор, пробудила в нем новые идеи. «Неузнанный я взошел на кафедру и неузнанный схожу с нее, — говорил Н. В. Гоголь. — Но... я много вынес оттуда и прибавил в сокровищницу души. Уже не детские мысли, не ограниченный прежний круг моих сведений, но высокие, исполненные истины и ужасающей величия мысли волновали меня...». И затем с теплым чувством, овеянным легкой дымкой печали, писатель вспоминает о том, как много передумал он в уединении, размышляя над проблемами истории, и какую радость доставляли ему эти думы. «Мир вам, — восклицает писатель, — мои небесные гости, наводившие на меня божественные минуты в моей тесной квартире, близкой к чердаку! Вас никто не знает. Вас вновь опускаю на дно души до нового пробуждения, когда вы исторгнетесь с большею силою...»⁶.

Н. В. Гоголь высоко ценил профессию историка, его труд, его дело, предъявлял к нему высокие требования, считая, что занятия исторической наукой посылны лишь для человека, обладающего природным дарованием и получившего необходимую подготовку. «Вы владеете глубоким даром историка — венцом божьих даров, верхом развития и совершенства ума, — писал Н. В. Гоголь П. А. Вяземскому. — Я вижу в вас историка в полном смысле сего слова, и вечные упреки будут на душе вашей, если вы не приметесь за великий подвиг»⁷.

Однако для Н. В. Гоголя историк — это не только деятель науки, но и художник слова, писатель. Н. В. Гоголь как-то попытался нарисовать образ такого человека, который смог бы достойно выполнить задачу создания всеобщей истории. Воображаемый им образ писатель наделил качествами, присущими нескольким реальным лицам. Получилось некое обобщение. Это историк, постигший «глубокость результатов Гердера, нисходящих до самого начала человечества», обладающий «быстрым, огненным взглядом», Шлецера, «изыскательною, расторопною мудростию» Миллера. Кроме того, произведения этого историка отличаются «высоким драматическим искусством», характерным для Шиллера, «занимательностью», которая свойственна творениям Вальтера Скотта, наконец, «шекспировским искусством развивать крупные черты характеров в тесных границах»⁸. Таким образом, Н. В. Гоголь требовал от историка и широты взглядов, и глубины мысли, и ясности понятий, и образности в передаче прошлого, и художественности изложения, и живости рассказа.

В высказываниях Н. В. Гоголя можно найти ряд мыслей как по поводу процесса изучения исторического прошлого, путей и результатов его исследования, так и по поводу тех литературных приемов, при помощи которых эти результаты доводятся до сознания и чувства читателей, той художественной формы, которая придает наибольшую доходчивость итогам исторических изысканий.

Н. В. Гоголь подчеркивал взаимосвязь и взаимообусловленность исторических явлений. Он говорил, что «события и эпохи великие, всемирные... должны выдвигаться на первом плане со всеми своими следствиями, изменившими мир»; сказав, что «такое-то происшествие есть великое... должно развивать его во всем пространстве, вывести наружу все тайные причины его явления и показать, каким образом следствия от него,

⁵ Н. В. Гоголь. ПСС. Т. X, стр. 263, № 165 (1833 г.).

⁶ Там же. Т. X, стр. 378, № 265 (1835 г.).

⁷ Там же. Т. XII, стр. 106 (1842 г.).

⁸ Там же. Т. VIII, стр. 89 (1832 г.).

как широкие ветви, распростираются по грядущим векам...». Читатели должны ясно видеть, какие события можно считать «великими маяками всемирной истории»⁹.

Подобные взгляды Н. В. Гоголя имели прогрессивный характер, хотя он и оставался на позициях идеалистического мировоззрения. Но к концу своей жизни писатель в силу ряда причин все более уходил в сторону идейной реакции. Особенно проникнуты реакционными идеями «Выбранные места из переписки с друзьями». Однако то, что написал Н. В. Гоголь в этот последний период своей деятельности, не может перечеркнуть его мыслей об истории, записанных им в более ранние годы, когда он разделял передовые для своего времени идеи общественного прогресса.

В подходе к явлениям современности и прошлого Н. В. Гоголь считал необходимым избегать голых абстракций и руководствоваться идеей историзма, прослеживая ее преломление в конкретных условиях, выявлять сложность, разносторонность и противоречивость общественно-политических отношений. Он критиковал немецкого историка Геерена, который считал, «что политика какой-то осязательный предмет, господин во фраке и башмаках, и притом совершенно абсолютное существо, являющееся мимо художеств, мимо наук, мимо людей, мимо жизни, мимо нравов, мимо отличий веков, не стареющее, не молодеющее, ни умное, ни глупое, чорт знает что такое»¹⁰.

Читая исторические произведения, Н. В. Гоголь искал в них новые идеи и обобщения, но при этом размышлял над тем, насколько факты подтверждают выводы, а выводы вытекают из фактов, достаточны ли аргументы для обоснования высказанных тезисов, не обгоняет ли мысль автора тот ход рассуждений, опорой которого является проверенный исторический материал. Писатель упрекал С. П. Шевырева за «поспешность», с которой он делится тем, что ему самому «видится несколько в отдаленной перспективе — общий порок всех, идущих вперед людей!» «Что для себя еще перспектива, пусть и останется в себе. Говорить нужно только о том, к чему уже пришел совершенно»¹¹, — советует Н. В. Гоголь. А в другом письме тому же лицу он делает замечание: «...Ты поторопился подать читателю или слушателям вперед тобою выведенные результаты, для полного уразумения которых еще не так подготовлены читатель или слушатель»¹².

Н. В. Гоголь требовал, чтобы изложение исторического материала было доходчивым и доступным для восприятия. «История твоя составляет замечательное явление, но в ней есть следующий недостаток, — обращался писатель к М. П. Погодину. — Она больше похожа на сочинение, назначенное быть темою для профессора университета, а не для гимназического курса. В ней слишком сжато, даже, может быть, много уложено в тесные рамки...»¹³.

Будучи за границей, Н. В. Гоголь в переписке с С. Т. Аксаковым обменивался с ним мнениями по поводу выступлений в печати со статьями на исторические темы сына его, К. С. Аксакова. Н. В. Гоголь находил, что последнему необходимо «непрерывно спуститься хотя двумя ступенями ниже с той педантской книжности, которая у нас образовалась и беспрестанно мешается с живыми и не педантскими словами». Для того, чтобы творения ученого были доходчивыми, он должен, взявшись за перо, обязательно «вообразить себе живо личность тех, кому и для кого он пишет», «личность публики». Но конкретно о запросах читающей его произведения «публики» автор сможет судить лишь в том случае, если вообразит среди нее «кого-нибудь из своих знакомых», «живо представит

⁹ Там же, стр. 28 (1832 г.).

¹⁰ Там же. Т. X, стр. 342, № 227 (1834 г.).

¹¹ Там же. Т. XIII, стр. 411, № 232 (1847 г.).

¹² Там же, стр. 104, № 53 (1846 г.).

¹³ Там же. Т. XI, стр. 31 (1836 г.).

себе его ум, способности, степень пытливости и развития» и станет писать «соображаясь со всем этим и снисходя к нему». Н. В. Гоголь находил наиболее полезным для писателя в этом случае ориентироваться на человека наименее «понятливого» и «сведущего». К. С. Аксакову он советовал рассказывать свои статьи своей маленькой сестрице: если она все поймет и ей не будет скучно, «тогда смело можно печатать статью»; «она понравится всем: старикам, гегелистам, шелкоперам, дамам, профессорам, учителям, и всякий подумает, что писано для него...»¹⁴.

Простому, ясному и интересному, основанному на фактическом материале рассказу историка Н. В. Гоголь иногда отдавал предпочтение перед некоторыми литературными произведениями на исторические темы, конечно, имея в виду произведения невысокого качества. Так, положительно высказываясь по поводу исторических трудов П. А. Кулиша, Н. В. Гоголь отмечал, что тот мог бы «составить живые статьи для альманаха и в них рассказать просто о нравах и обычаях прежних времен, не вставляя этого в повесть или драматический рассказ, подобно тому, как рассказывал Корнилович о временах до Петра и при Петре»¹⁵.

Н. В. Гоголь указывал, что подлинная история во многом гораздо драматичнее, художественнее и образнее, чем ее претворение в произведениях драматургов. «Странное дело, — рассказывал он С. Т. Аксакову, — когда я разворачиваю историю нашу, мне в ней видится такая живая драма на каждой странице, так просторно открывается весь кругозор тогдашних действий и видятся все люди, и на первом и на втором плане, и действующие и молчащие. Когда же я читаю извлеченную из нее нашу так называемую историческую драму, кругозор предо мною тесен ...полнота жизни от меня уходит; запаха свежести, первой весенней свежести, я не слышу»¹⁶.

Н. В. Гоголь считал, что труд историка должен не только давать материал писателю для его произведений; этот труд сам по себе, не теряя своей специфики, должен представлять художественное произведение, воздействуя как на разум, так и на чувства и на воображение читателей. Для исторических сочинений недостаточно только выводов и обобщений по поводу явлений прошлого, надо, чтобы в этих сочинениях были образы, картины, зарисовки человеческих судеб и характеров. Вслед за французским историком Тьерри Н. В. Гоголь отказывался признавать историю «дополнительным рассуждением при живописании различных эпох, добавочным портретом для верного представления различных персонажей». Он хотел, чтобы в книгах историков люди «прошедших веков» сами выступали «на сцене с речами», показывали «себя в различных видах», не надо было «заставлять читателя перевернуть сто страниц, чтобы, в конце концов, выяснить их подлинный характер»¹⁷.

Особенно заботился писатель о наглядности преподавания истории, о выразительности, красочности, разнообразии разворачиваемых картин прошлого, непрерывная смена которых делает столь увлекательным изучение былых времен. «Все, что ни является в истории, — писал он, — народы, события — должны быть непременно живы и как бы находиться пред глазами слушателей или читателей, чтоб каждый народ, каждое государство сохраняли свой мир, свои краски, чтобы народ со всеми своими подвигами и влиянием на мир проносился ярко, в таком же точно виде и costume, в каком был он в минувшие времена».

Н. В. Гоголь понимал, что большим и сложным делом историка-мыслителя является отбор из груды исторических данных тех наиболее важных и характерных фактов, совокупность которых накладывает особо за-

¹⁴ Там же. Т. XII, стр. 407—408, № 234 (1844 г.).

¹⁵ Там же. Т. VIII, стр. 425 (1836 г.).

¹⁶ Там же. Т. XIV, стр. 79 (1848 г.).

¹⁷ Там же. Т. IX, стр. 514, 557 (1826—1832 гг.).

метный отпечаток на ту или иную национальность, определяет ее значение в мировом историческом процессе. Задачу историка-художника Н. В. Гоголь видел в том, чтобы извлечь из своей многоцветной палитры и использовать наиболее пригодные краски для запечатления на историческом полотне того или иного национального облика. Нужно «собрать не многие черты, но такие, которые бы высказывали много, черты самые оригинальные, самые резкие, какие только имел воображаемый народ»¹⁸.

Для воспроизведения явлений прошлого Н. В. Гоголь считал необходимым сочетание правды «исторической» с правдой художественной, «поэтической»¹⁹. Изучение фактов былого и проникновение в глубь веков взором художника — это две стороны творческого процесса, два пути познания истории. Н. В. Гоголь шел и тем и другим путем, но ему, как великому мастеру литературы, второй путь иногда казался скорее приближающим к цели. «Передо мною выясняются и проходят поэтическим строем времена казачества, и если я ничего не сделаю из этого, то я буду большой дурак. Малороссийские ли песни, которые теперь у меня под рукою, навеяли их или на душу мою нашло само собою ясновидение прошедшего, только я чую много того, что ныне редко случается»²⁰, — читаем в письме Н. В. Гоголя С. П. Шевыреву.

Искусству воспроизведения исторического прошлого Н. В. Гоголь учился на замечательных произведениях мировой литературы. Об этом он говорил в письме к В. А. Жуковскому: «На всяком шагу я чувствовал, что мне многого недостает, что я не умею еще ни завязывать, ни развязывать событий и что мне нужно выучиться постройке больших творений у великих мастеров. Я принялся за них, начиная с нашего любезного Гомера»²¹.

Перед Н. В. Гоголем как крупнейшим деятелем литературы, конечно, не мог не встать вопрос о том, в какой мере углубление в историческое прошлое помогает осознанию современности. Писатель-гражданин, он считал, что уроки истории должны служить делу воспитания человека и общества. Н. В. Гоголь делится с В. А. Жуковским своими мыслями о том, что писателю, если только он «одарен творческою силою создавать собственные образы», следует прежде воспитаться как «человеку и гражданину земли своей», а потом уже браться за перо²². «Бей в прошедшем настоящее, и тройною силою облечется твое слово; прошедшее выступит живее, настоящее объяснится яснее, а сам поэт, проникнутый значительностью своего дела, возлетит выше к тому источнику, откуда почерпается дух поэзии»²³, — писал он И. М. Языкову. И ему же писатель советовал: «Выведи картину прошедшего и попрекни кого бы то ни было в прошедшем, но таким образом, чтобы почесался в затылке современник»²⁴.

Подобные мысли показывают, насколько тесно в сознании Н. В. Гоголя связывались задачи овладения опытом истории и использования его для воздействия на своих современников в целях распространения близких писателю общественных идеалов. Пока он разделял передовые идеи своего времени, своими представлениями о тесной связи истории и современности писатель содействовал делу общественного прогресса. Но выше приведенные высказывания относятся уже к поздним годам жизни и творчества Н. В. Гоголя, когда его мировоззрение окрасилось мрачными реакционными тонами и он стал в религию искать оправдания самодержавия, крепостного строя, идейного угнетения. В этот период Н. В. Го-

¹⁸ Там же. Т. VIII, стр. 27 (1832 г.).

¹⁹ Там же. Т. XI, стр. 31 (1836 г.).

²⁰ Там же, стр. 241, № 119 (1839 г.).

²¹ Там же. Т. XIV, стр. 35, № 1 (1848 г.).

²² Там же, стр. 37, № 1 (1848 г.).

²³ Там же. Т. XII, стр. 421, № 238 (1844 г.).

²⁴ Там же, стр. 378, № 229 (1844 г.).

голь и уроки истории пытался использовать для обоснования таких религиозно-политических взглядов, которые шли вразрез с представлениями лучших людей общества и вызвали страстную отповедь со стороны В. Г. Белинского.

Совсем незадолго до смерти, психически измученный и больной, Н. В. Гоголь определил задачи истории таким образом, что с ними, конечно, не мог согласиться ни один из прогрессивно настроенных его современников. «Один только и есть язык, на котором можно говорить теперь писателю с читателем,— это история, не рассуждающая, но выставляющая как в зеркале все события, заключающие оправдания божия»²⁵.

Не случайно в это время Гоголь проявил интерес к трудам Н. М. Карамзина, который был для него образцом историка-мыслителя. При этом в творчестве Карамзина писателя привлекало не то, что отражало подлинные достижения русской историографии и национальной культуры (богатство собранных источников, мастерство их критического анализа, ясность мысли, яркость и образность языка и литературного изложения — за все это ценил историка А. С. Пушкин). Н. В. Гоголь останавливал свое внимание на другом — на исторической концепции Н. М. Карамзина, реакционно-монархической по своему содержанию и обеспечившей ему положение придворного историографа. В жизни последнего Н. В. Гоголь видел пример того, как русский писатель якобы сохранил свою «независимость». Н. М. Карамзин, по его словам, «показал первый, что... писатель может быть вполне независим, и если он уже весь исполнен любви к благу, первенствующей во всем его организме и во всех его поступках, то ему можно все сказать. Цензуры для него не существует, и нет вещи, о которой бы он не мог сказать»²⁶. По существу, Н. В. Гоголь в отказе от борьбы с идейным гнетом усматривает духовную свободу писателя.

Но и в последние годы своей жизни, когда Н. В. Гоголь стал считать себя проповедником, призванным объявить новое слово человечеству, он продолжал верить прежде всего в силу непосредственного воздействия на людей реалистического, жизненного искусства. Как бы споря сам с собой, он писал В. А. Жуковскому: «В самом деле, не мое дело поучать проповедью. Искусство и без того уже поученье. Мое дело говорить живыми образами, а не рассуждениями. Я должен выставить жизнь лицом, а не трактовать о жизни. Истина очевидная»²⁷.

Может быть, ни один из русских писателей, занимавшихся отечественной историей, не проявлял одновременно интереса и к истории всеобщей в такой степени, как Н. В. Гоголь. Писатель подчеркивал, что без знания всеобщей истории для многих будет непонятно прошлое своей страны²⁸. В письме к А. С. Пушкину он делился с ним своими планами написать «Всеобщую историю, которой, в настоящем виде ее, до сих пор к сожалению не только на Руси, но даже и в Европе, нет»²⁹. О том же своем намерении в очень восторженных выражениях Н. В. Гоголь сообщал М. П. Погодину: «Ух, брат! Сколько приходит ко мне мыслей теперь! Да каких крупных! полных! свежих! Мне кажется, что сделаю кое-что необщее во всеобщей истории»³⁰. А до тех пор, пока ему удастся выполнить задуманное, Н. В. Гоголь хотел, чтобы в России распространялись в переводах произведения иностранных авторов, даже если они не удовлетворяли тем высоким требованиям, которые сам писатель предъявлял к историческим трудам. Приветствуя перевод на рус-

²⁵ Там же. Т. XIV, стр. 267, № 274 (1852 г.).

²⁶ Там же. Т. XIII, стр. 61, № 24 (1846 г.).

²⁷ Там же. Т. XIV, стр. 36, № 1 (1848 г.).

²⁸ Там же. Т. XIII, стр. 149, № 83 (1846 г.).

²⁹ Там же. Т. X, стр. 290, № 185 (1833 г.).

³⁰ Там же, стр. 294, № 187 (1834 г.).

ский язык «Всеобщей истории» Беттигера, он отмечал: «Мне нравится в ней то, что есть по крайней мере хоть несколько верный анатомический скелет. У нас и этого нигде не найдешь»³¹.

Н. В. Гоголь понимал тесную связь исторических и географических наук и в письме к М. П. Погодину, рассказывая последнему о своем новом труде, определял его содержание так: «Это будет Всеобщая история и всеобщая география в трех, если не в двух томах, под названием Земля и Люди»³². Писателю не удалось реализовать широкие планы по разработке всеобщей истории и написанию обобщающего труда в этой области. Но известных результатов он достиг. Сохранились наброски его лекций³³ по истории древнего мира и средних веков в Петербургском патриотическом институте и Петербургском университете, программа университетского лекционного курса, посвященного средневековью, различные статьи и заметки на всемирно-исторические темы.

Если первоначально интерес к вопросам всеобщей истории возник у Н. В. Гоголя в какой-то мере в связи с его педагогической работой, то в дальнейшем этот интерес возрастал и креп благодаря длительному пребыванию писателя за границей, особенно в такой овеянной дыханием старины и наполненной историческими памятниками стране, как Италия. Живя в Риме, Н. В. Гоголь задумывался над судьбами древних римлян. «Знаете,—писал он М. П. Балабиной,—что я вам скажу теперь о римском народе? Я теперь занят желанием узнать во глубине весь его характер, слежу его во всем, читаю все его народные произведения, где только он отразился, и скажу, что, может быть, это первый народ в мире, который одарен до такой степени эстетическим чувством, невольным чувством понимать то, что понимается только пылкой природою»³⁴.

Очевидно, именно своей художественной натурой, своей восприимчивостью к прекрасному и привлекали древние римляне Н. В. Гоголя, который сам воспринимал их прошлое не просто взором историка, но и вдохновенным чутьем художника. Ему вообще было свойственно образное восприятие не только событий и людей прошлого, но и целых народов и даже эпох. Так, в художественном очерке «Жизнь» он средствами исторической живописи изобразил три периода всемирной истории, когда большую роль в жизни человечества играли вначале Египет, затем Греция, потом Рим. Писатель постарался уловить основную идею, определяющую, с его точки зрения, всемирно-историческое значение каждого из этих трех государств, очагов цивилизации на Востоке и Западе, и воплотить эту идею в зрительные формы, наиболее наглядно и полно передающие ее смысл.

Древний Египет представляется писателю в виде скопления пирамид, в виде существа, неподвижного и очарованного, «как мумия, несокрушимая тлением». Это существо, «помавая (так.—Л. Ч.) тонкими пальмами, жилищами его равнин, и устремляя иглы своих обелисков», говорит: «Народы, слушайте! я один постиг и проник в тайну жизни и тайну человека. Все тлен. Низки искусстваа, жалки наслаждения, еще жалче слава и подвиги. Смерть, смерть властвует над миром и человеком!»

Совсем по-другому, чем Египет, выглядит «веселая Греция»; она вся спряталась в «колонны, белые как перси девы», облеклась в «страстный мрамор», который дышит, зажженный чудным резцом, и стыдливо любит свою прекрасною наготою». «Ясный, как небо, как утро, как юность, светлый мир греков» заполнен одной мыслью, одним чувством:

³¹ Там же, стр. 263, № 165 (1833 г.).

³² Там же, стр. 256, № 162 (1833 г.).

³³ Там же. Т. IX стр. 85.

³⁴ Там же. Т. XI, стр. 142, № 67 (1838 г.).

«Жизнь сотворена для жизни! Развивай жизнь свою и развивай вместе с нею ее наслаждения».

И вот третий образ: «железный Рим», устремивший «лес копий» и сверкающий «грозною сталью мечей, вперив на все завистливые очи и протянув свою жилистую десницу». Его девиз выражен в словах: «Наслаждение в гигантском желании. Презрелна жизнь народов и человека без громких подвигов. Славы, славы, жаждай, человек!»³⁵.

Конечно, этот девиз римской государственности поздней эпохи не отвечал мыслям и потребностям народа. Из письма Н. В. Гоголя М. П. Балабиной видно, что ему это было ясно. И вообще рассмотренные зарисовки не отражают всего многообразия исторической жизни и главное — противоречивости и сложности общественно-политического и культурного развития. Руководящая мысль, пронизывающая художественную трилогию Н. В. Гоголя — Египет, Греция, Рим, — заключается в том, что все внесенное этими тремя странами древней цивилизации в идейно-культурную сокровищницу человечества было лишь прологом к кардинальному моменту в его жизни — введению христианства. Подобный угол зрения, конечно, накладывал печать ограниченности на исторические представления писателя, не лишая его художественные эскизы большей яркости и содержательности.

Наиболее любимой эпохой всемирной истории были для Н. В. Гоголя средние века. Он спорил с теми, кто называл эту эпоху «скучною»; он находил, что «нигде нет такой пестроты, такого живого действия, таких резких противоположностей, такой странной яркости как в ней». В истории средневековья он подчеркивал как раз то, что, судя по его высказываниям, не было характерным для древнего Египта, античной Греции и Рима, — многообразие содержания и форм общественно-политической и культурной жизни. Это многообразие объясняется и тем, что средние века во всемирно-историческом процессе были переходным периодом от древности к новому времени, и тем, что в указанные века переплетались судьбы различных народов. Любивший аналогии из области архитектуры, которую он хорошо знал и понимал, Н. В. Гоголь сравнивал эпоху средневековья с «огромным строением»: в его стенах можно увидеть и «готфские руны», и «римскую позолоту», и «арабскую резьбу», и «греческий карниз», и «готическое окно» — все слепилось в нем и составило самую пеструю башню»³⁶.

В подходе Н. В. Гоголя к изучению средних веков было много интересного и характеризующего его как передового историка своего времени. Он руководствовался идеей развития и непрерывной смены общественно-политических форм. Средневековье для Н. В. Гоголя — одно из звеньев в этой цепи развития. Средние века, по Н. В. Гоголю, начинаются с падения Римской империи, вместе с которой «валится весь древний мир с полуязыческим образом мыслей, безвкусными писателями, гладиаторами, статуями, тяжестью роскоши и утонченностью разврата». Конец средневековья также отмечен «всеобщим взрывом»: «Власть папы подрывается и падает, власть невежества подрывается, сокровища и всемирная торговля Венеции подрываются...».

Стараясь уловить прогрессивную линию общественного процесса, Н. В. Гоголь видел в средневековье не неподвижность и мрачный застой, а вековое непрерывное движение по пути к новым достижениям человечества. Когда на пороге нового времени, писал он, «всеобщий хаос переворота очищается и проясняется, пред изумленными очами являются монархи, держащие мощною рукою свои скипетры; корабли, расширенным взмахом несущиеся по волнам необъятного океана мимо Средиземного моря; в руках у европейцев вместо бессильного оружия — огонь; пе-

³⁵ Там же. Т. VIII, стр. 82—83 (1834 г.).

³⁶ Там же, стр. 16—17 (1834 г.).

чатные листы разлетаются по всем концам мира»; «и все это результаты средних веков»³⁷, — подчеркивает Н. В. Гоголь.

Важным принципом, которым руководствовался писатель при исследовании исторического прошлого, было стремление органически сочетать изучение истории всемирной и национальной истории отдельных народов и государств. Этот принцип положен в основу его статьи «О преподавании всеобщей истории», в которой Н. В. Гоголь дал яркий очерк основных линий всемирно-исторического процесса с древнейших веков до новейшего времени. Он показывает, как «всемирный завоеватель» Кир «подверг весь Восток своей власти и насильно соединил разнохарактерные народы», причем «нравы, религия, формы правления остались в государствах те же...»; как «римляне перенимают все у побежденных народов, сначала пороки, потом просвещение». Н. В. Гоголь рассматривал средневековье, как «век величайшего разъединения и вместе единства», а новое время, как эпоху, когда международные связи становятся теснее и «государства, народы сливаются плотнее в нераздельные массы»³⁸. Всемирно-исторический процесс, по его мнению, наполнен борьбой противоречий, столкновением нового и старого, передового и реакционного. Писатель обращал внимание на успехи экономического развития, на рост просвещения, он рассказывал о том, как в эпоху средневековых феодальных войн и усобиц «возникает среднее сословие граждан, города начинают богатеть, и на севере Европы, в отпор рыцарям, образуется Ганзейский союз, связывающий всю северную Европу своей торговлей». Н. В. Гоголь посвятил несколько строк описанию напрасных попыток «духовного деспота» папы «убить» торговлю Венеции. Ярко писал он о том, что в связи с развитием культуры и просвещения, получивших столь мощное средство воздействия на человеческие умы как книгопечатание, усиливалась борьба с деспотизмом папской власти: «Чем грознее становился папа, тем сильнее против него работали типографские станки». Писатель закончил свой очерк изображением «военного деспотизма» Наполеона — «исполина», обкрушенного Россией³⁹.

В подходе к прошлому Н. В. Гоголь был чужд европоцентризма. Всемирно-исторический процесс он понимал в самом широком смысле, как процесс развития народов Европы, Азии, Америки. Он считал своей обязанностью показать, «каким образом человечество началось Востоком». Он рассказывает, как на заре средневековья «неведомые степи Средней Азии извергают толпы неведомых народов, которые теснят и гонят пред собою других, вгоняют их в Европу, сами несутся по пятам их и грозно останавливаются на севере...» Писатель описывает, как арабский народ «с азиатской саблей в руках распространял магометанство на место прежних остатков греческого просвещения», «как изумительно, быстро этот чудесный народ из завоевателей делается просветителем, развертывается во всем блеске, со своей роскошной фантазией, глубокими мыслями и поэзией жизни, и как он вдруг меркнет...». Н. В. Гоголь говорит о том, как в период крестовых походов «вся Европа, двинувшись с мест, валится в Азию, Восток сшибается с Западом, и две грозные силы, христианство с магометанством»⁴⁰. Приводит Гоголь и другие картины прошлого, рисующие взаимодействие в разные эпохи судеб европейских и других народов. Конечно, образное воспроизведение истории имело и отрицательные стороны: исторический процесс преподносился художественно впечатляюще, но его фактическая основа (как, например, в вопросе о крестовых походах) оказывалась неправильной.

³⁷ Там же, стр. 24—25 (1834 г.).

³⁸ Там же, стр. 30—34 (1832 г.).

³⁹ Там же, стр. 33—35 (1832 г.).

⁴⁰ Там же, стр. 30—33 (1832 г.).

К истории своего отечества Н. В. Гоголь подходил обогащенный общим представлением о судьбах человечества и конкретными знаниями из области всемирной истории. В сохранившихся набросках по русской истории писатель в основном выступает не как исследователь, хотя он и использует достаточно широко источники. В высказываниях по некоторым вопросам он в ряде случаев воспроизводит представления исторической науки своего времени, заимствованные из произведений Н. М. Карамзина, А. Л. Шлёцера, Г. Эверса и др. В то же время по многим важным проблемам у Н. В. Гоголя есть и ряд оригинальных мыслей.

Н. В. Гоголь разделял точку зрения об автохтонности славянства и писал: «Подобно как германцы аборигены Европы западной, так славяне аборигены восточной. Они, может быть, древни в такой степени, как древни народы древнего мира»⁴¹. Принимая основные положения господствовавшей в его время в историографии норманской теории образования Русского государства, Н. В. Гоголь в то же время подчеркивал, что роль норманнов в общественно-политическом и культурном развитии Руси была не столь значительной, как думают многие. «Сановники и все главные начальники были варяги, но знали по-славянски, и славянский язык более раздавался на Руси, нежели скандинавский». Н. В. Гоголь полагал, что Русь ввиду отсутствия у нее больших богатств была малопривлекательной для выходцев из Скандинавии, и они не стремились там укрепиться. «Норманы любили страны богатые и потому долго оставляли славян в покое и проходили через земли их в Царьград»⁴².

Весьма интересны соображения писателя о политическом единстве Древней Руси; особенно важно, что он приближался к мысли о складывании уже тогда древнерусской народности. Древнерусское государство, указывает он, состоявшее «из аренд родственных государей, дядей, племянников, представляло странное явление. Несмотря на беспорядочность, на неимение предельных законов, на неопределившиеся права и отношения их между собой, они носили какой-то вид единства и цельности одной нации». И далее Н. В. Гоголь отмечает, что в «критические минуты» князья вспоминали о том, что «Русь гибнет»; «на сейме, собранном Мономахом», было «явно сказано: да будет земля русская общим для нас отечеством»; летописцы принимали «живое участие в общем, несмотря на свое частное пристрастие»⁴³.

Н. В. Гоголь улавливал наличие социального неравенства в Киевской Руси и отмечал, что усиление эксплуатации вызывало народные движения протеста. «Тиуны часто сильно угнетали граждан своим правлением, и за то народ часто, выведенный из умеренности, грабил их собственные дома...». Обращал Н. В. Гоголь внимание и на роль вечевых собраний в общественной жизни Древней Руси. «Жители в городах всегда имели сильное участие в правлении, почти республиканском. Могли экстренно собирать вече и звать на оное князя. Так вызывали они князя с тем, чтобы жаловаться на его тиунов». Писатель усматривал связь между сменой князей и настроениями горожан. «Часто города, будучи недовольны своим князем, тайно приглашали другого»⁴⁴. Он нарисовал весьма реальную картину введения на Руси христианства, отметив, что первоначально оно затронуло лишь население наиболее крупных городских центров и очень медленно проникало в среду сельских жителей. «Только, может быть, в Киеве да в некоторых других городах удалось распространить» православную веру. «Села, веси и волости долго оста-

⁴¹ Там же. Т. IX, стр. 29 (1834—1835 гг.).

⁴² Там же, стр. 51 (1834—1835 гг.).

⁴³ Там же, стр. 62 (1834—1835 гг.).

⁴⁴ Там же, стр. 62—63 (1834—1835 гг.).

вались погруженными в язычество и свои поверья. Нестор упоминает уже в свое время о язычниках кривичах и вятичах»⁴⁵.

Н. В. Гоголь касался вопроса и о международном положении древнерусского государства, рассматривая династические связи киевских князей с правящими династиями ряда крупных государств Европы⁴⁶.

Интересно ставит он проблему европейских средневековых монархий, считая, что монархия Карла Великого и некоторые другие государства возникли потому, что для этого имелись условия, сложившиеся еще во времена Римской империи. «Что Карл был самодержцем, что были два-три самодержавные правители, этому нечего удивиться. В их землях еще старые, освященные давностью следы римские». Речь идет о крупных городах, укрепленных пунктах царской власти. Там, где эта власть «не была врезана... в самое сердце земли ни городами, ни крепостями, никакими пунктами, например, в Германии, там она не могла существовать или существовала в одном титуле»⁴⁷.

Н. В. Гоголь уподобляет разрозненную Германию удельной России, сомневаясь, чтобы там могла «укорениться» «монархическая власть». Тем самым он проводит мысль, что самодержавие не является исконным началом русской истории, как это утверждала дворянско-монархическая историография.

Одновременно писатель подробно останавливается на характеристике новгородской «конституции»; говорит об ограниченности княжеской власти; подробно, по источникам, разбирает пункты договорных грамот, устанавливающих «права новгородцев» и положение князя в Новгороде. Специальное внимание он обращает на «неустройства новгородцев», рассказывая, что «во время смут и народных волнений народ обыкновенно сбрасывал своих начальников с мосту и топил их в Волхове». Н. В. Гоголь довольно близко подошел к пониманию характера социально-политических противоречий в Новгородской земле, когда писал: «...Всегда почти в Новгороде партии, приверженные князю — несколько домов больших аристократических, как кажется; их обыкновенно народ грабил во время бунта против князя». Н. В. Гоголь отметил одно из особенно крупных новгородских социальных движений — восстание против князя Всеволода Мстиславича в 1136 г., изложив на основе летописи требования, предъявленные ему новгородцами⁴⁸. Интерес к проблемам социально-политической борьбы, характерный для передовой буржуазной историографии, был присущ и Н. В. Гоголю в ранний период его научной и литературной деятельности.

Своеобразием отличались его взгляды на значение татаро-монгольского нашествия для последующего развития Руси. По примеру всех передовых историков и писателей он говорил, что это «страшное событие», что оно «наложило на Россию двухвековое рабство и скрыло ее от Европы». В то же время Н. В. Гоголь ошибочно ставил вопрос: не было ли указанное событие «спасением» для Руси, «сберегши ее для независимости, потому что удельные князья не сохранили бы ее от литовских завоевателей». Наконец, писатель отмечает, что татаро-монгольское вторжение «наложило иго на северные и средние русские княжения, но дало между тем происхождение новому славянскому поколению в южной России, которого вся жизнь была борьба»⁴⁹. Речь идет об украинском народе.

В этой цепи рассуждений Н. В. Гоголю не удалось уловить действительную связь между ее отдельными звеньями, ибо татаро-монгольское

⁴⁵ Там же, стр. 53 (1834—1835 гг.).

⁴⁶ Там же, стр. 64—65 (1834—1835 гг.).

⁴⁷ Там же, стр. 66—67 (1834—1835 гг.).

⁴⁸ Там же, стр. 68—71 (1834—1835 гг.).

⁴⁹ Там же. Т. VIII, стр. 42 (1832 г.).

иго, конечно, не было для Руси ни спасением, ни защитой от агрессии литовских феодалов. Н. В. Гоголь неправильно связывал с татаро-монгольским нашествием образование украинской народности, хотя и верно отметил тот факт, что это нашествие содействовало разрыву между Северо-Восточной Русью и южными и юго-западными русскими землями, ускори́в процесс ее формирования.

У Н. В. Гоголя имеются наброски, касающиеся политического строя Московского княжества XIV в. (по данным духовной грамоты великого князя Семена Ивановича). Главное, на что писатель обращает внимание, это отсутствие на Руси в указанное время сложившегося государства типа позднейшей самодержавной монархии. Он отмечает «простоту времен царственно-патриархальных», пишет, что князь напоминал скорее вотчинника, чем государя, «владел селами, волостями, конями, стадами, кубками, золотыми чашами и все отказывал и передавал в духовной своим наследникам с бережливостью времен старых, упоминая подробно обо всем»⁵⁰.

Более поздних периодов русской истории Н. В. Гоголь касался в своих трудах в меньшей степени. Его, как и многих писателей, привлекало время Петра I. Петровские реформы он рассматривал как явление прогрессивное, сопротивление этим реформам со стороны бояр — как проявление рутинности, косности, реакции. В отзыве о драме М. П. Погодина «Петр I» Н. В. Гоголь советовал автору высмеять бояр начала XVIII в. и при этом подчеркивал, что их сатирическое изображение будет иметь общественно-политическое значение, ибо затронет господствующий класс не только того времени, но и современной эпохи. «Ради бога, прибавьте боярам несколько глупой физиономии. Это необходимо так даже, чтобы они непременно были смешны. Чем знатнее, чем выше класс, тем он глупее. Это вечная истина!.. А у вас, не прогневайтесь, иногда бояре умнее теперешних наших вельмож».

Н. В. Гоголь высмеивал также страсть к слепому подражанию иностранцам, которая характеризовала верхние слои русского общества в царствование Петра I. «Какая смешная смесь во время Петра, когда Русь превратилась на время в цирюльню, битком набитую народом; один сам подставлял свою бороду, другому насильно брили,— писал он М. П. Погодину по поводу его драмы.— Вообразите, что один бранит Антихристову новизну, а между тем сам хочет сделать новомодный поклон и бьется из сил сковеркать ужимку французокафтанника. Я не иначе представляю себе это, как воображая попа во фраке»⁵¹.

Н. В. Гоголь считал важной задачей историка изучение времени Екатерины II. Он полагал, что на эту тему можно написать и двенадцать томов «чудной истории»⁵².

Внимание Н. В. Гоголя привлекали не только выдающиеся государственные деятели отечественного прошлого, представители правящих верхов. Его интересовала жизнь и деятельность выходцев из народа, борцов за его волюность. Сообщая в письме к М. П. Погодину об окончании А. С. Пушкиным «Истории Пугачева» и отмечая, что «это будет единственное у нас в этом роде сочинение», Н. В. Гоголь с большим воодушевлением прибавлял: «Замечательна очень вся жизнь Пугачева. Интересу пропасть! Совершенный роман!»⁵³.

Общая идейная эволюция Н. В. Гоголя отразилась и на его представлениях об истории. В последние годы своей жизни он стал развивать тезис об исконности монархии на Руси, возникшей в результате якобы добровольного соглашения народа с призванными на княжение варяга-

⁵⁰ Там же. Т. IX, стр. 71 (1834—1835 гг.).

⁵¹ Там же. Т. X, стр. 255, № 162.

⁵² Там же. Т. XII, стр. 106, № 84 (1842 г.).

⁵³ Там же. Т. X, стр. 269, № 170 (1833 г.).

ми. «Добровольным разумным сознанием вольных людей установлен монарх в России. Все сословия, дружно требуя защиты от самих себя, а не от соседних врагов, утвердили над собою высшую власть с тем, чтобы рассудить самих себя...»⁵⁴.

Столь же единодушно, по высказываниям Н. В. Гоголя в этот последний период его деятельности, якобы произошло избрание на царство в 1613 г. Михаила Федоровича Романова. «Все единогласно, от бояр до последнего бобыля, положило, чтоб он был на престоле»⁵⁵. Отсюда писатель заключает, что выбор Михаила был подсказан «волей бога». Рассказав о патриотическом поступке Ивана Сусанина, не называя последнего по имени, он делает вывод, что начало дому Романовых было положено «подвигом любви»⁵⁶. Все это очень предвзято, тенденциозно и как-то не отвечает тому представлению о Н. В. Гоголе, которое складывается у каждого, кто знакомится с произведениями лучших лет его творчества. Теперь и реформы Петра I писатель расценивает как осуществление дела божьего на земле. «...Воля бога вложила ему мысль ввести молодой народ свой в круг европейских государств и вдруг познакомить его со всем, что ни добыла себе Европа долгими годами кровавых борений и страданий»⁵⁷.

Если отсечь все реакционное, что имеется в исторических высказываниях Н. В. Гоголя и вызвано его ложным по идее и осужденным передовыми современниками замыслом привлечь исторический материал для оправдания действительности николаевского времени, то останется ряд мыслей, наблюдений, замечаний, свидетельствующих о глубоком проникновении великого писателя в прошлое своей родины.

Наряду с историей России Н. В. Гоголь внимательно изучал историю Украины. Он хорошо понимал, насколько тесно связаны между собой прошлое и настоящее украинского и русского народов. И сам писатель затруднялся сказать, кто он, русский или украинец, вернее, считал себя и русским и украинцем. «...Сам не знаю, какая у меня душа,— писал Н. В. Гоголь А. Л. Смирновой,— хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой,— явный знак, что они должны пополнить одна другую». Гоголь отмечал, что в то время, когда русский и украинский народы в силу ряда исторических причин были оторваны друг от друга, в их жизни было много своеобразного, после же воссоединения двух народов в составе России национальные особенности каждого из них, придя во взаимное сочетание, дали гармоническое единство, оставившее яркий след во всемирной истории. «...Самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве»⁵⁸.

Н. В. Гоголь с юных лет был увлечен изучением украинского прошлого и мечтал создать в этой области нечто такое, чего ранее не было в литературе. «Теперь я принялся за историю нашей единственной, бедной Украины,— сообщал он М. А. Максимовичу.— Ничто так не успокоивает, как история. Мои мысли начинают литься тише и стройнее. Мне кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили»⁵⁹. Гоголь думал, что ему удастся подготовить четыре больших

⁵⁴ Там же. Т. VIII, стр. 489 (1845—1846 гг.).

⁵⁵ Там же, стр. 257—258 (1847 г.).

⁵⁶ Там же, стр. 257 (1847 г.).

⁵⁷ Там же, стр. 369—370 (1847 г.).

⁵⁸ Там же. Т. XII, стр. 419, № 237 (1844 г.).

⁵⁹ Там же. Т. X, стр. 284, № 181 (1833 г.).

или шесть «малых» томов «Истории Малороссии»⁶⁰. Он отмечал насыщенность исторической жизни украинского народа яркими фактами, называл ее «бешеной» и говорил, что писать о ней нельзя сухо, что изложение должно быть увлекательно и захватывающе. «Меня попрекают, — жаловался писатель М. П. Погодину, — что слог в ней (создаваемой Гоголем «Истории Малороссии». — Л. Ч.) слишком уже горит, не исторически жгуч и жив; но что за история, если она скучна!»⁶¹.

Намечая план предпринятого им труда, Н. В. Гоголь выдвигал важнейшие исторические проблемы: происхождение украинского народа, образование казачества, его борьба против национального и социально-политического угнетения, переход от войн к земледелию, воссоединение Украины с Россией⁶². Писатель глубоко понимал и ярко описал своеобразие исторических условий, в которых происходило развитие Украины. Это было развитие народа, которого «вся жизнь состояла из движений, которого невольню (если бы он даже был совершенно недейтелен от природы) соседи, положение, земля, опасность бытия выводили на дела и подвиги...»⁶³.

Историю украинцев как самостоятельной народности Н. В. Гоголь начинал со времен татаро-монгольского нашествия (то, что она восходит своими корнями к восточно-славянской этнической общности, писатель понимал, хотя и не развивал эту тему). Отметив пагубные последствия татаро-монгольского ига для Руси, Н. В. Гоголь связывает с завоеванием татаро-монголами русских земель усиление Литовского княжества и захват им территории Украины. Литовским князьям «было легко устремляться на еще дымившиеся от татарских пожаров села и развалины... И они явились скоро и беспрекословно владельцами многих мест в южной России». Политику Литовского княжества Н. В. Гоголь несколько идеализирует: «Общий враг сдружил русских с литовцами... Селения русские освобождались от татар и очнулись под литовским владычеством»⁶⁴. Южная Русь была оторвана от Северо-Восточной Руси, временно разошлись судьбы народов украинского и русского.

Писатель с большой литературной силой и выразительностью рассказывает об исторической роли украинского казачества, сумевшего противостоять натиску татарских и турецких завоевателей и защитить от этого натиска ряд европейских государств. Народ, «известный под именем козаков», представляет собой, говорил он, «одно из замечательных явлений европейской истории, которое, может быть, одно сдержало опустошительное развитие двух магометанских народов, грозивших поглотить Европу»⁶⁵. Патриотические подвиги казачества воспеты в знаменитой повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Сохранились его наброски, относящиеся к задуманной им драме из украинской жизни. В этой драме речь должна была идти о борьбе украинских казаков против гнета панской Польши⁶⁶.

Сложной и не во всем верной была оценка, которую давал Н. В. Гоголь действиям гетмана Мазепы в годы Северной войны. Писатель говорил о «грозной силе деспотизма» Петра I, о том, что этот «необыкновенный повелитель», стремившийся «возвысить» Россию, применял для достижения поставленных целей «лекарства... слишком сильные» и русский народ, «униженный рабством и деспотизмом», покорялся царю «с ропотом». «Дышавшему вольностью и лихим козачеством» украинскому народу (Н. В. Гоголь употребляет последний термин в значении

⁶⁰ Там же, стр. 297, № 191 (1834 г.).

⁶¹ Там же, стр. 294, № 187 (1834 г.).

⁶² Там же. Т. IX, стр. 76—77 (1839 г.).

⁶³ Там же. Т. X, стр. 298, № 198 (1834 г.).

⁶⁴ Там же. Т. IX, стр. 74—75 (1839 г.).

⁶⁵ Там же. Т. VIII, стр. 46 (1832 г.).

⁶⁶ Там же. Т. V, стр. 199 (1838 г.).

этническом, а не социальном) «угрожала утрата национальности, большее или меньшее уравнивание прав с собственным народом русского самодержца». Правильно подчеркивая политику национального угнетения, проводившуюся русским правительством, Н. В. Гоголь упускал здесь из виду прогрессивные последствия воссоединения Украины с Россией в составе Русского государства.

Гетман, говорил Н. В. Гоголь, не хотел примириться с «деспотизмом» Петра. Но «отложиться» от России и провозгласить независимость Украины было невозможно, ибо «самодержец был слишком могуч». Кроме того, у Мазепы отсутствовала уверенность в том, что он найдет достаточно твердую поддержку со стороны различных кругов украинского населения. «Да и неизвестно,— пишет Н. В. Гоголь,— вооружилась ли бы против него (Петра I.—Л. Ч.) вся нация и притом нация свободная, которая не всегда была в спокойствии, тогда как самодержец всегда мог действовать, не давая никому отчета».

Говоря, что не вся нация пошла бы за Мазепой, Гоголь, очевидно, подходил к пониманию того, что формирующаяся украинская нация не была классово однородной, социально-политические интересы отдельных общественных групп были различными, а отпадение от России и создание независимого от нее государства вовсе не являлось национальным лозунгом; народу, страдавшему от деспотической политики русского царя, совсем не улыбалось избавиться от нее путем поддержки деспотических вождельцев гетмана. В таких условиях Мазепе ничего не оставалось, как обратиться к иноземной поддержке. «Он видел, что без посторонних сил, без помощи которого-нибудь из европейских государей невозможно выполнить» намерение — отделить Украину от России⁶⁷.

Занятия Н. В. Гоголя историей всемирной, русской, украинской побуждали его к поискам источников и к разработке источниковедческих проблем. Он составил обзор источников по истории средних веков⁶⁸. Он энергично собирал материалы, относящиеся к прошлому России и Украины. Печатавая объявление о подготовке им к изданию «Истории Малороссии», Н. В. Гоголь обращался с просьбой к читателям присылать ему, если не «в оригиналах, то в копиях», «записки, летописи, повести бандуристов, песни, деловые акты» и т. д.⁶⁹.

Большое значение в качестве исторического источника Н. В. Гоголь придавал материалам этнографии и фольклору. «Вы имеете тонкий, наблюдательный ум,— писал совсем еще юный Н. В. Гоголь матери,— вы много знаете обычаи и нравы малороссиян наших, и потому я знаю, вы не откажетесь сообщать мне их в нашей переписке. Это мне очень, очень нужно»⁷⁰. Гоголя интересовало все: народные обычаи, обряды, праздники, суеверия, предметы одежды и т. д. Он просит мать прислать ему «обстоятельное описание свадьбы, не упуская наималейших подробностей», написать «несколько слов о колядках, о Иване Купале, о русалках». «Если есть, кроме того, какие-либо духи или домовые,— продолжает писатель,— то о них подробнее; ...множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий, разных анекдотов, и проч. и проч. и проч. Все это будет для меня чрезвычайно занимательно»⁷¹.

Н. В. Гоголь собирал сведения о старинном костюме, мужском и женском. «В следующем письме я ожидаю от вас,— обращался он к матери,— описания полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов с поименованием, как это все называлось у самых за-

⁶⁷ Там же. Т. IX, стр. 83—84 (1834—1835 гг.).

⁶⁸ Там же, стр. 101 (1834 г.).

⁶⁹ Там же, стр. 76—77 (1839 г.).

⁷⁰ Там же. Т. X, стр. 141, № 86 (1829 г.).

⁷¹ Там же.

коренелых, самых древних, самых наименее переживших малороссиан; равным образом название платья, носимого нашими крестьянскими девками до последней ленты, также нынешними замужними, и мужчинами»⁷².

Но особенно жадно искал и собирал Н. В. Гоголь народные песни. Он считал, что в них яснее и полнее всего отражается прошлое народа, его характер, его думы, его радость, его горе. Искреннее волнение слышится в следующих словах Н. В. Гоголя: «Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!.. Я не могу жить без песен. Вы не понимаете, какая это мука»⁷³. В письме к И. И. Срезневскому писатель рассказывает о том, как много дали ему песни для понимания истории украинского народа, как они заставили его другими глазами взглянуть на письменные тексты. «Если бы наш край не имел такого богатства песен,— читаем в письме Н. В. Гоголя тому же И. И. Срезневскому,— я бы никогда не постигнул бы и не писал Истории его, потому что я не постигнул бы и не имел понятия о прошедшем, или История моя была бы совершенно не то, что я думаю с нею сделать теперь. Эти-то песни заставили меня с жадностью читать все летописи и лоскутки какого бы то ни было вздору»⁷⁴.

В песнях любого жанра Н. В. Гоголь стремился найти и умел найти что-то новое и важное для себя как историка. «Вы не можете представить,— делился писатель своими мыслями с М. А. Максимовичем,— как мне помогают в истории песни. Даже не исторические... они все дают по новой черте в мою историю, все разоблачают яснее и яснее, увы, прошедшую жизнь и, увы, прошедших людей»⁷⁵.

В статье Н. В. Гоголя «О малороссийских песнях» содержатся чрезвычайно ценные высказывания о народных песнях как историческом источнике. Ценность песни писатель видит в тройном ее значении: как художественного произведения, как полного жизни свидетельства о прошлом и как постоянного напоминания человеку о том, что он сын своей родины и что он должен дорожить землей, где покоится прах людей предшествующих поколений. «...Песни для Малороссии — все: и поэзия, и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о протекшем быте этой цветущей части России».

Н. В. Гоголь понимал известную ограниченность материала фольклора, трудность использования его для воспроизведения точной канвы исторических событий. Историк не должен искать в песнях «показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции: в этом отношении немногие песни помогут ему». Но фольклор — незаменимый источник для воссоздания облика народа на различных ступенях исторического развития, условий его жизни, культурных достижений, его национальных черт. Если историк захочет узнать путем изучения песен «верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа», «захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного», «он будет удовлетворен вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии»⁷⁶.

Всех родных, близких, знакомых Н. В. Гоголь просил помочь ему в собирании песен. «У меня есть к тебе просьба,— обращался он к своей сестре.— Ты помнишь, милая, ты так хорошо было начала собирать малороссийские сказки и песни и к сожалению прекратила. Нельзя ли

⁷² Там же.

⁷³ Там же, стр. 283, № 181 (1833 г.).

⁷⁴ Там же, стр. 299, № 192 (1834 г.).

⁷⁵ Там же, стр. 284, № 181 (1833 г.).

⁷⁶ Там же, Т. VIII, стр. 90—91 (1833 г.).

возобновить это? Мне оно необходимо нужно». В письме к матери писатель, поблагодарив ее за присылку «старинной тетради с песнями», среди которых оказались «многие очень замечательные», просил продолжить поиски подобных рукописей, заметив, что они, по всей вероятности, «водятся в старинных сундуках между старинными бумагами у старинных панов или у потомков старинных панов»⁷⁷.

Писатель торопился со своими поисками песен и их записями, так как прекрасно понимал: то, что хранится в памяти поколений, с течением времени бледнеет и вообще исчезает, а то, что записано, может истлеть, затеряться, погибнуть. «Я думаю, что ты пропасть услышал новых песен. Ты должен непременно поделиться со мною и прислать,— писал Н. В. Гоголь М. А. Максимовичу.— Да нет ли каких-нибудь эдаких старинных преданий? Эй, не зевай! Время бежит, и с каждым годом все стирается»⁷⁸. А в письме И. И. Срезневскому он выражал надежду, что теперь «еще можно сыскать в каждом хуторе, подальше от большой дороги и разврата, десятка два неизвестных другому хутору» песен⁷⁹.

Н. В. Гоголь торопился получить записи и тех песенных текстов, которые, как он знал, в дальнейшем должны быть опубликованы, но которые он хотел иметь у себя поскорее. Писатель заказывал копии и с уже напечатанных, но являвшихся редкостью, изданий песен⁸⁰.

Живший в бедности, постоянно нуждавшийся в средствах к существованию, Н. В. Гоголь не жалел последних денег на приобретение нужных ему для работы материалов, будь то старинные памятники живого человеческого слова, или предметы одежды, или другие какие-либо остатки старины. Адресуя матери просьбу собирать для него «старинные костюмы малороссийские», писатель при этом добавлял: «Если владельцы будут требовать за них дорого, пишите ко мне, я постараюсь собрать и выслать нужные деньги». Затем Н. В. Гоголь вспомнил, что видел когда-то в сельской церкви «одну девушку в старинном платье» и просил узнать, не продаст ли она его. «Если встретите где-нибудь у мужика странную шапку или платье, отличающееся чем-нибудь необыкновенным, хотя бы оно даже было изорванное,— продолжал далее писатель,— приобретайте!» Он закончил свое письмо пожеланием, чтобы все приобретенное было сложено в один сундук или чемодан и при первом удобном случае переправлено к нему в Петербург⁸¹.

Этнографический и исторический материал Н. В. Гоголь изучал в социальном разрезе. Его интересовали различия в жизни, в быту украинских крестьян, в частности, среди зажиточного казачества. Он хотел уловить, в чем выражается их разное отношение к действительности. Н. В. Гоголь просил мать сообщать ему, если она услышит где-либо «забавный анекдот» как среди крестьян, так и среди помещиков. Он хотел также получить сведения (причем «с подробнейшею подробностью») о том, какие платья были в старину у тысячников, сотников, их жен, «какие материи были известны» в старое время, «какие анекдоты и истории случались... смешные, забавные, печальные, ужасные»⁸².

Среди исторических источников Н. В. Гоголь отводил должное место и материалам археологии. В одном из его писем к матери читаем: «...Еще осмеливаюсь побеспокоить одну просьбою: ради бога, если будете иметь случай, собирайте все попадающие вам древние монеты и редкости, какие отыщутся в наших местах, стародавние старопечатные книги, другие какие-нибудь вещи, антики, а особливо стрелы, которые

⁷⁷ Там же. Т. X, стр. 285, № 182 (1833 г.).

⁷⁸ Там же, стр. 349, № 235 (1835 г.).

⁷⁹ Там же, стр. 300, № 192 (1834 г.).

⁸⁰ Там же, стр. 284, № 181 (1833 г.).

⁸¹ Там же, стр. 209, № 117 (1831 г.).

⁸² Там же, стр. 166, № 97 (1830 г.).

во множестве находимы были во Псле»⁸³. Вопросами археологии писатель продолжал интересоваться и во время своего пребывания в Риме, где на его глазах производились раскопки. В письме к М. П. Балабиной Н. В. Гоголь сообщал о тех научных спорах, которые возникли по поводу датировки мозаик, открытых в катакомбах. «Отыскивали мозаик и очень много, но все очень повреждены; даже не знают до сих пор, к какому времени отнести. Антикварию разделились на две партии: одни относят ко временам христианства, другие — к языческим»⁸⁴.

Наряду с данными этнографии, фольклора, археологии Н. В. Гоголь широко привлекал для своих трудов, как исторических, так и литературных, памятники письменности. В переписке с матерью он включил в присланную ей программу собирания исторических материалов поиски рукописной мемуарной литературы и других письменных источников. «Нет ли в ваших местах каких записок, веденных предками какой-нибудь старинной фамилии, рукописей стародавних про времена гетманщины и прочего подобного?»⁸⁵.

В письмах и заметках Н. В. Гоголя имеется много высказываний о летописях. Писатель привлекал летописание для своих занятий древнерусской историей. В соответствии с трудами А. Л. Шлёдера, которые он изучал, Н. В. Гоголь рассматривал Начальную русскую летопись как произведение одного лица — Нестора. «После Нестора — продолжатели, — замечает писатель, опять-таки следуя за А. Л. Шлёцером. — Название остается все то же: временник, Несторова летопись. Списков ныне великое множество... Превосходит всех Патриаршеский (то есть Никоновский летописный свод. — Л. Ч.) красотой и четкостью, а после него Радзивилловский и Воскресенский».

Конечно, все это очень далеко от научных представлений нашего времени о ходе древнерусского летописания и отражает уровень науки 30-х годов XIX века.

Древнерусского летописца Н. В. Гоголь представляет себе по образцу Пимена, облик которого так ярко был нарисован А. С. Пушкиным. Это бытописатель, лишенный политических страстей и пристрастий, стремившийся к точному изображению того, что он видел и знал, без прикрас и искажений. «А тот монах, — замечает Н. В. Гоголь, — был правдив, писал то только, что было, не мудрствовал лукаво и не смотрел ни на кого». Но «последователи» Нестора стали «раскрашивать» его текст⁸⁶.

Хотя представления Н. В. Гоголя о древнерусском летописании не выходили за пределы общепринятых для его времени взглядов, некоторые приемы его критического подхода к тексту Начальной летописи заслуживают особого внимания, ибо рисуют писателя как пытливого и вдумчивого историка. Так, Н. В. Гоголь говорит, что на основании летописного текста нельзя судить о славянской языческой мифологии, ибо Нестор, «монах и летописец текущих событий», вовсе не ставил своей задачей «перечислять всех богов»; «он не мог углубляться в предмет презрительный и неприличный для христианина в то время»⁸⁷. Здесь Н. В. Гоголь наглядно показывает, что пользоваться для доказательства того или иного положения аргументом от молчания источника надо умело.

Привлекая летописи для изучения украинской истории, писатель обращал внимание на расхождения между отдельными списками, на наличие различных вариантов в описании тех или иных событий и поэто-

⁸³ Там же, стр. 167, № 97 (1830 г.).

⁸⁴ Там же. Т. XI, стр. 182, № 86 (1838 г.).

⁸⁵ Там же. Т. X, стр. 167, № 97 (1830 г.).

⁸⁶ Там же. Т. IX, стр. 72—73 (1834—1835 гг.).

⁸⁷ Там же. Т. XI, стр. 223—224, № 107 (1839 г.).

му считал необходимым проведение над летописями соответствующей текстологической работы: у одних летописцев «выпущено что-нибудь и у других прибавлено. Иногда одна прибавка стоит всей летописи. Поэтому-то я имею и стараюсь иметь по несколько списков»⁸⁸, — писал Н. В. Гоголь И. И. Срезневскому. Он отмечал также бедность и бледность содержащихся в некоторых позднейших летописях известий, касающихся событий более раннего времени. Летописные записи о прошлом, созданные после того, как «память уступила место забвению», Н. В. Гоголь уподобляет «хозяину, прибавшему замок к своей комнате, когда лошади уже были украдены». Подобные записи «так пусты, так бесцветны!», писал Н. В. Гоголь. Таким летописям писатель предпочитал произведения народной словесности: «Каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели вялые и короткие летописи»⁸⁹.

В то же время некоторые поздние памятники русского летописания Н. В. Гоголь ценил высоко. В отзыве о драме С. А. Гедеонова «Смерть Ляпунова» он писал: «Я бы на его (автора. — Л. Ч.) месте так и впился в русские летописи и ни на миг не оторвался бы от этого чтения. Он может много извлечь оттуда прекрасных предметов. Почему знать, может быть, от такого чтения родилась бы в нем благословенная мысль написать правдивую историю времени, его преимущественно поразившего»⁹⁰.

Тот идейный кризис, который переживал Н. В. Гоголь в последние годы своей жизни, когда его мировоззрение все более окрашивалось реакционно-мистическим цветом, отразился и на оценке им летописей. Он стал искать в них «следов сокровенной внутренней жизни»; писателю, как сам он утверждал, была в них «слышна возможность основания гражданского на чистейших законах христианских»⁹¹.

Заслуживают большого внимания рассуждения Н. В. Гоголя о договоре древнерусского князя Олега с византийскими императорами. А. Л. Шлёцер и некоторые другие историки считали текст названного договора подделкой. Н. В. Гоголь справедливо возражал против этого тезиса и приводил аргументы в пользу подлинности договорной грамоты. Он указывал, что «иногда из гордости и тщеславия выдумается о предках, но всегда почти в повествовательном... в преувеличенном виде». Создать подложные документы в такой «определяющей форме», как договоры, казалось писателю невозможным.

Доводом в пользу подлинности договорного акта, составленного от лица Олега, являлись, по мнению Н. В. Гоголя, имеющиеся в нем «страшные описки, невероятные ошибки писцов, необыкновенная изуродованность имен». Если бы договор «был поддельный и в новейшие времена, он бы списался несравненно правильнее, он бы был понятен для писцов, и они бы не путались так». Как один из аргументов в обоснование мысли о подлинности договора Олега с Византией Н. В. Гоголь приводил ряд соображений о возможности существования уже в то время в Киевской Руси письменности⁹². Приемы доказательства Н. В. Гоголем своего тезиса были лишь на уровне источниковедения его времени и еще далеки от совершенства, но сама идея являлась верной, так же как в целом правильно намечались писателем пути, следуя которыми, можно было эту идею утвердить в науке.

В годы своего идейного кризиса писатель использовал данные, относящиеся к истории быта средневековой Руси, для доказательства того, что исконными началами русской жизни якобы всегда являлись

⁸⁸ Там же. Т. X, стр. 299—300 (1834 г.).

⁸⁹ Там же, стр. 299, № 192 (1834 г.).

⁹⁰ Там же. Т. VIII, стр. 425—426 (1846 г.).

⁹¹ Там же. Т. XIV, стр. 109, № 8 (1849 г.).

⁹² Там же. Т. IX, стр. 52 (1834—1835 гг.).

самодержавие и православие. Так, в «Домострое» писатель увидел сочетание образов евангельских Марфы и Марии: Марфа решила «заботиться только о самом немногом из хозяйства земного, чтобы чрез это [придти] в возможность вместе с Марией заниматься хозяйством небесным»⁹³. При чтении описания «царских выходов» воображению писателя «так и представлялся царь, идущий к вечерне»⁹⁴.

Хорошо понимая тесную связь истории и географии, Н. В. Гоголь считал обязательным не только для историка, но и просто для всякого культурного человека знание своей страны, ее хозяйства, занятий и быта ее жителей и т. д. Заботясь о воспитании своего племянника, писатель находил необходимым внушить ему «желанье узнавать собственную землю, географию России, историю России, путешествия по России. Пусть он спрашивает и узнает про всякое сословие в России, начиная с собственной губернии и уезда...»⁹⁵.

С интересом изучая материалы путешествий XVIII в., например, книгу П. С. Палласа⁹⁶, Н. В. Гоголь с сожалением отмечал, что путешественники того времени были любознательнее, чем его современники, а результаты их поездок по стране — значительно богаче и содержательнее того, что дают поездки, совершаемые в его время. «С грустью удостаиваясь, что прежде, во время Екатерины, больше было дельных сочинений о России. Путешествия были предпринимаемы учеными смиренно, с целью узнать точно Россию. Теперь все шелкоперно. Нынешние путешественники, охотники до комфорта и тракторов; с больших дорог не сворачивают и стараются пролететь как можно скорее»⁹⁷.

Великий мастер литературы, тонкий и глубокий знаток всех видов искусства, Н. В. Гоголь и историческое прошлое воспринимал через памятники искусства. Произведения живописи, скульптуры, архитектуры вызвали в его сознании представления о минувшем. «Я успел осмотреть только часть древностей и развалин, писал Н. В. Гоголь матери из Италии. — Вся земля пахнет и дышит художниками и картинами. Мозаики и антики продаются кучами. Школы живописи и скульптуры на улице почти у каждых дверей...»⁹⁸.

Через содержание, форму, характерные черты, стиль искусства Н. В. Гоголь хотел воспроизвести облик эпохи, понять характер народа. Писатель воспринимал античность сквозь призму зодчества, образы средневековья воссоздавал, привлекая живопись, новое время воплощалось для него в музыке. «Древнему, ясному, чувственному миру» «великий низидитель мира» послал «прекрасную скульптуру, принесшую чистую, стыдливую красоту — и весь древний мир обратился в фициам красоте». Средним «векам беспокойным и темным» творец дал «вдохновенную живопись, показавшую миру неземные явления, небесные наслаждения угонников»; «в наш юный и дряхлый век ниспослал он могущественную музыку...»⁹⁹. Приведенные высказывания появились у Н. В. Гоголя в значительной мере под влиянием религиозного настроения. Но в них отразилось и присущее писателю мастерство проникновения в прошлое, следы которого запечатлены в произведениях, созданных резцом, кистью, передаваемых звучанием струн, торжественной музыкой органа и т. д.

Природа страны и сохранившиеся от ее прошлой истории памятники искусства в восприятии Н. В. Гоголя составляли гармоническое

⁹³ Там же. Т. XIV, стр. 110, № 8 (1849 г.).

⁹⁴ Там же. Т. XII, стр. 378, № 229.

⁹⁵ Там же. Т. XIII, стр. 409, № 231 (1847 г.).

⁹⁶ Там же. Т. IX, стр. 277 (1849 г.).

⁹⁷ Там же. Т. XIV, стр. 147, № 120 (1849 г.).

⁹⁸ Там же. Т. XI, стр. 90 (1837 г.).

⁹⁹ Там же. Т. VIII, стр. 12—13 (1831 г.).

единство, отмеченное печатью неповторимости. «Я думал,— писал Н. В. Гоголь В. А. Балабиной,— что природа Италии — странная — греческо-римская архитектура с колоннами, плоскими куполами, плоскими архитравами. Природа Швейцарии сумрачная, архитектура готическая с углообразными сводами, летящими в небо остроконечными шпицами, величавая, вдыхающая беспредельные мысли»¹⁰⁰.

В сознании и воображении Н. В. Гоголя сливались в одно целое наполненные общим содержанием формы литературы и изобразительного искусства, и история представляла облеченная в эти формы. Писатель сравнивал Рим «с большим прекрасным романом или эпосею, в которой на каждом шагу встречаются новые и новые, вечно неожиданные красоты». Все другие города казались Н. В. Гоголю по сравнению с Римом «блестящими драмами, которых действие совершается шумно и быстро в глазах зрителя; душа восхищена вдруг, но не приведена в такое спокойствие, в такое продолжительное наслаждение, как при чтении эпосеи»¹⁰¹.

Из трех близких писателю видов искусства (живопись, скульптура, архитектура), пожалуй, больше всего он уделял внимания архитектуре. Он понимал ее важное значение как исторического источника. Н. В. Гоголь называл архитектуру «летописью мира», которая «говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе». Поэтому Н. В. Гоголю казалось очень важным, чтобы сохранились памятники старинного зодчества, и по ним, как бы листовая страница прошлой жизни человечества, можно было бы прочитать летопись былого. «Пусть же она (архитектура. — Л. Ч.), хоть отрывками, является среди наших городов в таком виде; в каком она была при отжившем уже народе. Чтобы при взгляде на нее осенила нас мысль о минувшей его жизни и погрузила бы нас в его быт, в его привычки и степень понимания и вызвала бы у нас благодарность за его существование, бывшее ступенью нашего собственного возвышения»¹⁰².

Критикуя существовавшие в его время учебные пособия по географии, Н. В. Гоголь утверждал, что в воспитательных целях в них следует давать не сухие справки о городах с указанием на наличие там гимназий, соборов и т. д., а помещать живые, волнующие рассказы о сохранившихся в различных центрах мира исторических памятниках. «Воспитаннику довольно сказать сначала, что у нас гимназии во всех губернских городах, церкви также. Но Кремля, Ватикана, Палерояла, Фальконетова Петра, Киевопечерской лавры, Кинг-Бенча нет других в мире»¹⁰³. Н. В. Гоголь выступил с оригинальным проектом о создании в одном из городов специальной улицы, наглядно отражающей в произведении зодчества развитие мировой культуры. На такой улице следовало бы представить образцы архитектуры первобытной, древнего Египта, Греции, Рима, Александрии, средних веков, нового времени. «Эта улица сделалась бы тогда в некотором отношении историею развития вкуса, и кто ленив перевертывать толстые томы, тому бы стоило только пройти по ней, чтобы узнать все...»¹⁰⁴. Он называет высказанную им самим мысль «очень странной», но эта странность вытекает лишь из необычности самой мысли, в общем глубокой и большой: не просто сохранить в настоящем один из уголков прошлого, а дать возможность каждому из людей, живущих сегодня, пройти по большой дороге культуры, по которой веками шло человечество. Такой проект захватывает и облагораживает.

¹⁰⁰ Там же, Т. XI, стр. 105, № 49 (1837 г.).

¹⁰¹ Там же, стр. 114—115, № 55 (1837 г.).

¹⁰² Там же, Т. VIII, стр. 73 (1831 г.).

¹⁰³ Там же, стр. 104 (1829 г.).

¹⁰⁴ Там же, стр. 73 (1831 г.).

Н. В. Гоголь вообще любил и умел образно представлять себе прошлое, вживаясь в сохранившиеся от этого прошлого, причем иногда в неприкосновенности, реликвии. Так, будучи в Фернее, он побывал в доме Вольтера, прошел по залу, «где он обедал и принимал, заглянул в его спальню и кабинет, осмотрел висевшие на стене «портреты всех его приятелей — Дидеро, Фридриха, Екатерины», постоял у постели философа, где лежало старинное ветхое кисейное одеяло. И писателю представилось, «что вот-вот отворятся двери, и войдет старик в знакомом парике, с отстегнутым бантом, как старый Кромид, и спросит: что вам угодно?». Как бы спасаясь от призрака минувшего, писатель вышел в сад. А покидая жилище знаменитого человека прошлого, жилище, намного пережившее своего хозяина, Н. В. Гоголь, «сам не отдавши себе отчета для чего», «нацарапал русскими буквами» свое имя¹⁰⁵. В письме к В. А. Жуковскому из Швейцарии Н. В. Гоголь рассказывал, как, гуляя по историческим местам, он перечитывал при этом произведения Мольера, Шекспира, Вальтера Скотта. Я «завладел местами ваших прогулок, мерил расстояние по назначенным вами верстам, колотя палкою бегавших по стенам ящериц», — писал он, обращаясь к своему другу. Побывав в Шильонском подземелье, Н. В. Гоголь, как и в бытность в Фернее, «нацарапал даже свое имя русскими буквами», не посмев «подписать его под двумя славными именами творца и переводчика «Шильонского узника»¹⁰⁶, то есть Байрона и В. А. Жуковского.

Но углубление в прошлое не означало для Н. В. Гоголя отрешения от настоящего. Напротив, через познание прошлого он начинал полнее и глубже понимать настоящее как новую ступень поступательного движения человечества. В письме из Рима к М. П. Балабиной писатель излагает воображаемый им случай: некто всемогущий, «натурально не какой-нибудь государь-император или король, а кто-нибудь посильнее их», предлагает ему сказать, что бы он «предпочел видеть перед собою — древний Рим в грозном и блестящем величии или Рим нынешний в его теперешних развалинах». Писатель без раздумий отвечает: «Я бы предпочел Рим нынешний. Нет, он никогда не был так прекрасен. Он прекрасен уже тем, что ему 2588-й год, что на одной половине его дышит век языческий, на другой христианский, и тот и другой — огромнейшие две мысли в мире»¹⁰⁷.

Из всех видов искусства самым близким Н. В. Гоголю было искусство живого поэтического слова. Поэтому-то он так любовно и бережно относился к русскому языку. Когда писатель подбирал материалы для словаря русского языка, им, как сам он рассказывает, руководила «любовь, просто одна любовь к русскому слову», которая жила в нем «от младенчества»¹⁰⁸. Органически присущее Н. В. Гоголю чувство историзма заставляло его в фольклоре искать истоки позднейшего литературного творчества. «Есть в русской поэзии, — писал он М. П. Погодину, — особенные, оригинально-замечательные черты... Будучи употреблены, как источник, как золотые искры рудниковых глыб, обращенные в цветущую песнь языка и поэзии нынешней, доступной, они поразят и зашевелият сильно...»¹⁰⁹.

При оценке литературных произведений о прошлом Н. В. Гоголь придавал большое значение языку, которым их авторы заставляли говорить своих героев. Для писателя этот момент являлся в значительной мере критерием и историчности и художественности романов, повестей, трагедий и драм. Гоголь решительно выступал против распространенного

¹⁰⁵ Там же. Т. XI, стр. 63, № 26.

¹⁰⁶ Там же, стр. 73, № 32 (1836 г.).

¹⁰⁷ Там же, стр. 144, № 67.

¹⁰⁸ Там же. Т. IX, стр. 439—485 (1849—1851 гг.).

¹⁰⁹ Там же. Т. XI, стр. 223, № 67 (1839 г.).

в литературе стремления к псевдонародности. «У нас, — с большим недовольством отмечал писатель, — в продолжение последних лет со времени появления романов в русском кафтане возникла мысль, что наши исторические лица и вообще все герои прошедшего должны непременно говорить языком нынешнего простого народа и отпускать как можно побольше пословиц». Н. В. Гоголь боролся против тенденции к утверждению в художественном творчестве такого нарочито «мужицкого» стиля. Возражал он и против другой тенденции, выразившейся в отступлениях от народности (в языке, зарисовках быта и т. д.) под воздействием переводной французской литературы. «Иногда русский мужичок отпустит такую театральную штуку, что и римлянин не сделает. Подыметя с полатей или с своей печки и выступит таким шагом, как Наполеон»¹¹⁰.

Н. В. Гоголь предъявлял большие требования к искусству перевода произведений народной словесности на другие языки. В переписке с М. А. Максимовичем он поднял этот вопрос применительно к задачам перевода на русский язык украинских песен. Н. В. Гоголь был противником так называемого «подстрочного», дословного перевода. «В переводе более всего нужно привязываться к мысли и менее всего к словам», — говорил он. «Иногда нужно отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе»¹¹¹. Желание сохранить все обаяние национального языка было одним из проявлений чувства историзма, выражающего патриотическую направленность всего творчества писателя.

Гоголь высказал много интересных мыслей об истории, о задачах ее изучения. Эти мысли разбросаны по его статьям, заметкам, письмам. Творчество Гоголя так же проникнуто историзмом, как и творчество Пушкина. Обоих писателей роднит глубокое понимание значения познания истории своего народа и всего человечества для дальнейшего движения по пути общественного прогресса.

¹¹⁰ Там же. Т. VIII, стр. 202 (1834 г.).

¹¹¹ Там же. Т. X, стр. 310, 312, № 202 (1834 г.).